

ВСТРЕЧИ С РЕЖИССЕРОМ...

С Котэ Марджанишвили я познакомился в 1913 году, еще будучи студентом Московского университета. Позднее мне приходилось с ним встречаться как рецензенту-журналисту.

Помню его постановки — пантомимы, осуществленные в камерном театре «Эрмитаж», вызывали недоумение у старых театралов, тонких ценителей искусства, недопонимавших однако значения его театральной реформы.

В то время при Московском университете грузинское землячество собирало вокруг себя не только студентов, но и всех грузин, проживавших в Москве, а их было немало. Землячество проводило большую культурно-просветительскую работу. Здесь часто устраивались традиционные вечера, весь сбор от которых шел в пользу грузинских студентов. В концертах безвозмездно принимали участие Собинов, Шаляпин, Гзовская и другие известные артисты.

В 1913 году землячество обратилось к Марджанишвили с просьбой поставить спектакль. На этом вечере и состоялось мое первое знакомство с Котэ.

Необычная, своеобразная постановка пантомимы «Покрывало Пьеретты» вызвала восторг зала, автора звали много раз.

Осенью 1922 года возвратился из России Котэ на родину. Строилась новая Советская Грузия, грузинский театр требовал коренной перестройки, театру нужен был руководитель-реформатор. И он нашелся. Во главе грузинского театра стал Марджанишвили.

Вспоминаю его первую постановку — «Овечий источник». Она шла при переполненной аудитории. Режиссера без конца вызывали на сцену: он был в простом рабочем костюме, вымазанный красками и небритый.

Поэт Паоло Яшвили из зала приветствовал Котэ:

— Рождается новый грузинский театр, привет реформатору!

Котэ ответил со сцены:

— Где вы, там и я!

Но новое было нелегко утверждать. Актеры разделились на два лагеря — старшее поколение и молодежь, которая пошла за Котэ.

Молодежь объединилась в группу «Дуруджи» и решила устроить обструкцию старым актерам. Как-то во время спектакля (шла какая-то скучная иностранная пьеса) на авансцену неожиданно вышел Акакий Васадзе, достал из кармана длинный лист и стал читать: это был «Манифест дуруджистов», провозглашающий лозунги нового театра. Поднялся невообразимый шум и свист, который заглушал голос выступающего.

Рядом со мной сидели старейший журналист Иосиф Имедашвили и общественный деятель Петре Кавтарадзе, брат большевика Серго Кавтарадзе.

— Ерунда это! — крикнул Петре, поднялся и вышел из зала. Вскоре он показался на сцене, почти таща за собой народного артиста Васо Абашидзе. Свист и шум перешли в овацию в честь Васо.

Когда я вместе с Имедашвили выходили из театра, Котэ без фуражки стоял у дверей и нервно курил па-

пиросу. Заметив нас, он подошел:

— Эти «дуруджисты» пересолили. И свой «Манифест» составили без моего ведома. Я не того хотел. Да, я за реформу и обновление театра, но старики тоже должны работать с молодыми, только по-новому. Меня не поняли, а молодежь поступила бестантно.

Следующая встреча с К. Марджанишвили состоялась в Кутаиси, куда его пригласили работать в театре. Здесь под его художественным руководством прошли два блестящих сезона. Он поставил «Оп-ля, мы живем» Толлера, «Святая Иоанна» Бернарда Шоу, «Овечий источник» Лопе де Вега, «В самое сердце» Ш. Дадзиани, «Как?» Карло Каладзе, «Кваркваре Тутабери» Поликарпа Канабадзе, «Уриель Акоста» К. Гуцкова...

В те годы я посетил Кутаиси с санитарно-профилактическим театром, где работал директором и заведующим художественной частью. В кафе, столики которого были расставлены на тротуаре, я увидел сидящего К. Марджанишвили. Он опирался на палку и, глубоко задумавшись, курил папиросу. Котэ, встав, приветствовал меня и моих коллег артисток Т. Окропиридзе и М. Картвелишвили, приглашая нас к столу.

Я заметил, что встреча с нами ему была приятна. Говорил он по-русски, встав-

ляя и грузинские слова, но с акцентом.

— Тбилисский климат для меня оказался вредным, и я перебрался на родину отца, — шутливым тоном начал Котэ.

— А как приняли?

— Представь себе, хорошо. Во всяком случае, я доволен. Кутаисцы очень гостеприимны. Они — народ театральный и строго требовательный. Но это меня не пугает: пока все спектакли идут с аншлагом. — В старом театре много пыли, — продолжал Марджанишвили, — и эту пыль надо сдуть. Консерватизм — большой враг искусства, искусство должно идти в ногу со временем, оно не может когнеть на одном месте. Нужны новые формы, новые пути, театру необходимо обновление.

Вслушав мой рассказ о санитарном театре, К. Марджанишвили сказал:

— Все эти ведомственные тетры хороши сегодня, для пропаганды. Но завтра они умрут. Они не вечны. Вечно классическое искусство. Ну, я разговорился, спешу на репетицию...

Мы простились.

Больше я с ним не встречался. Помню только черное знамя над театром Марджанишвили в 1933 году.

Я подошел к группе артистов, стоявшей у театра:

— По ком траур?

— Умер в Москве Котэ Марджанишвили...

С. ЦЕРЕТЕЛИ,